

елена сазанович

ТЕНЕТА

для безголосых птиц

Елена Ивановна Сазанович

Тенета для безголосых птиц

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11787085
Елена Сазанович Тенета для безголосых птиц: авторское издание;*

Аннотация

Философская притча о смысле жизни... В ресторане встречаются выпускники Литинститута. В результате взрыва здание рушится, и люди оказываются замурованными в подвале. В замкнутом пространстве герои переосмысливают свою жизнь, которой каждый не удовлетворен. В конце концов, они находят старинный подземный лабиринт. Однако вынужденные затворники ищут выход не только из подземного заточения, но и из тупика своей жизни, и дают себе слово в случае спасения начать жить по-новому. В итоге они находят спасительный выход на поверхность. Но есть ли для них выход в жизни? Ведь каждый – заложник своей судьбы...

(Отрывок опубликован в журнале «Пражский графоман», Прага, 2008)

Елена Сазанович

Тенета для безголосых птиц

роман

* * *

«В конце концов, десять лет – это так мало», – подумал я, старательно застегивая свою лучшую рубашку, гладко выглаженную и еще пахнущую «морозной» свежестью, хотя уже и повидавшую виды.

– Ты что-то сказал? – ласково промурлыкала Ольга, внимательно наблюдая за мной.

Вот черт! В который раз я думаю вслух.

– Я говорю, десять лет – это так мало! – подчеркнуто громко и не менее бодро повторил я.

– Смотря для кого, – вздохнула моя жена, машинально проведя пальцами по своим впалым щекам.

– Для дерева и для писателя. Потому что и в том, и в другом – заключена сама истории. А в ее контексте – десять лет это вообще ничто, – важно изрек я, хотя не был ни деревом, ни писателем. А в контексте истории являлся лишь пустым местом.

– Для женщины это еще какой срок, – вздохнула Ольга, словно старуха.

Я внимательно посмотрел в зеркало на свою жену. Она стояла, облокотившись о дверной косяк, плавная и мягкая. Среднего роста, средней внешности, среднего ума и средних поступков. И я подумал, что она, по сути, еще совсем молода. Но этот отрадный факт ее словно угнетал. Как будто в старости она находила (и чувствовала) себя гораздо уютней. А, возможно, счастливее. Моя жена легко смирилась с годами, что далеко не каждому под силу. И я в который раз подумал, что женился на ней именно потому, что она была среднего роста, средней внешности и среднего ума. А я вот уже десяти лет настойчиво и обречено подгонял себя под ее уровень. Что мне почти удалось. И что делало меня, как ни странно, тоже счастливым.

Помню, спустя год после окончания литературного института, я встретил своего однокурсника Юрку Раскрутина. Судя по его блестящему виду, на литературном Олимпе моего друга приняли с распростертыми объятиями. Еще более довольный собой, чем когда-то в институте, румяный, круглолицый и воздушный, как заварное пирожное, он недоуменно разглядывал мою жену. Даже умудрился обмолвиться с ней парой каких-то незначительных фраз. А потом потихоньку отвел меня в сторону.

– Ей Богу, не ожидал от тебя, дружище, – как всегда суетливо затараторил он, словно боялся, что его вот-вот перебьют. – Что с тобой, Лешка? И зачем ты женился? Впрочем, все мы когда-нибудь там будем. И все же, почему ты женился на не-е-ей? (Он сознательно выделил это местоимение) Нет, ты извини, брат, я ничего против твоей жены не имею. Она, конечно, ничего. Но ведь ты всегда стремился к ярким женщинам, даже через чур ярким. И они, на зависть некоторым, отвечали тебе взаимностью. И вдруг... Почему? Что с тобой, Лешка?

Слушая его неврастенический монолог, я все больше убеждался, что поступил правильно, женившись именно на Ольге. Из двух зол я выбрал наименьшее. И оно постепенно могло перерасти в тихое, надежное счастье.

– Что у тебя в холодильнике? – внезапно перебил я Раскрутина.

– Когда? – он недоуменно на меня посмотрел.

– Да всегда. Хотя бы сегодня.

– Вообще-то, с холодильником у меня все в порядке. Он всегда полон.

Я махнул рукой. И вызывающе бросил в лицо удачливому писателю.

– Этого мало, поверь. У меня в холодильнике всегда наготове первое, второе и третье. Хотя я получаю гораздо меньше твоего. Но, заметь, всегда под рукой у меня завтрак, обед и ужин. Свежеприготовленные.

– А на полдник что? Компот? А на ночь кефир пьешь? – язвительно заметил он.

– Пью! – гордо парировал я.

– Н-да, – почесал рано лысеющий затылок Юрка. – Я бы на твоём месте пил водку.

И, чтобы не нарваться на грубости, он поспешно ретировался. Хотя грубить ему я не собирался. Потому что водку тоже пил.

За все эти десять лет Юрку я больше не встречал. Да и с заоблачного литолимпа, как ни странно, его имя тоже почему-то не звучало. И лишь вчера я услышал по телефону голос, который сначала и не узнал. Солидный баритон приглашал меня на встречу выпускников нашего курса. Курса, который когда-то, десять лет назад, признали одним из успешных за все времена и подающим самые большие надежды. А в списке лучших из лучших я значился далеко не последним.

Поначалу я категорически решил проигнорировать приглашение Раскрутина. Хотя бы потому, что сегодня я был уже далеко не лучшим, а больших надежд и подавно не оправдал. Эти десять лет я писал один и тот же роман. И если сначала он был задуман как легкое повествование о ловеласе, родившемся в рубашке и с золотой ложкой во рту, то вскоре быстрыми темпами стал превращаться в тяжелое произведение о неудачнике. Пока вообще не остановился. А я, наблюдая за плавными жестами своей жены, слушая ее размеренный, успокоительный голос, прикасаясь к ее мягкому, податливому телу, вновь и вновь убеждал себя, что счастлив и без этого. Просто счастлив...

И все же, слегка поразмыслив, я решился пойти на эту встречу. Прекрасно зная, что идти не стоит. Поскольку я давно не любил перемен, способных разрушить любое, даже среднестатистическое счастье.

Встретиться мы договорились в небольшом старом кафе с ироничным названием “Лебединая песня”. Находилось оно далековато от города, на развилке двух шоссе дорог, прямо у соснового леса. И служило скорее такой уютной забегаловкой для утомленных автомобилистов. Несмотря на то, что добираться до кафешки нужно было на электричке, мы, еще студентами, с удовольствием выезжали туда на выходные. Это были наши традиционные вылазки на природу. Нам нравилось это удачное сочетание практически всех благ цивилизации и разноцветной, шумнолистной природы.

Именно эти ностальгические мотивы и повлияли на мое окончательное решение. Я уже почти физически вновь ощущал давно забытый запах смолы, уже видел эти мясистые лапки елей, тихо стучащих в окно, уже любовался холодным светом луны. В конце концов я решил поехать на встречу выпускников. Хотя меньше всего мне хотелось говорить о прошедших годах.

– Ты вернешься? – перебила мои мысли Оля. И в ее глазах я прочел неподдельный испуг.

– Не понял, – я намертво вцепился в дверную ручку, словно боялся, что вот-вот передумаю.

– Извини, – она встряхнула светлой кудрявой головкой. – Я хотела сказать – ты вернешься сегодня?

– Ну конечно, милая, – я звонко поцеловал ее в щечку и даже приобнял одной рукой. Вторая по-прежнему была намертво приклеена к дверной ручке. – Куда я денусь? Я всегда возвращаюсь.

– Я тебя очень люблю, Алеша.

– Я знаю, милая. Я тебя тоже. Конечно.

Я торопливо бросился вниз по лестнице и почти всю дорогу до вокзала бежал. И уже в электричке, запыхавшийся и усталый, словил себя на предательской мысли, что именно сегодня, впервые за эти десять лет, пытаюсь убежать от своего придуманного усредненного счастья. И тем самым совершаю ошибку. Хотя ошибок я не совершал очень и очень давно.

По пыльной дороге я шел от станции, жадно вдыхая запахи уходящего лета и пристально вглядываясь в низкие, размякшие от дождя, облака. Здесь ничего не изменилось за эти годы. Пожалуй, единственное, что на земле неизменно – это природа. Единственное, что остается верным себе до конца. И я благодарно пожимал лапы благородных елей.

Около кафе уже столпились солидные, уважаемые автомобили. Оказалось, что я один добирался сюда пешком. И поэтому опоздал.

Дверь, на которой висело строгое объявление «Спецобслуживание», была заперта. Поэтому, как и условились, я позвонил пять раз. Когда дверь распахнулась, я вошел в просторный затемненный холл, где меня уже встречал официант.

– Проходите сэр, рады вас приветствовать, – ярко вспыхнул свет, и я громко присвистнул от удивления.

– Вадька!

Передо мной стоял мой сокурсник по институту Вадим Руденко. Замечательный парень, хороший прозаик, заядлый выпивоха и картежник.

– Вадька, ну ты даешь! Ну ни на грамм не изменился!

Я не лукавил. Вадима время не просто пощадило, оно сделало его даже более привлекательным. Он остался таким же молодым, словно эти десять лет прошли мимо него, не задев ни усталостью, ни страстями, ни стрессами. И это казалось более, чем странным, поскольку Вадька всегда водил большую дружбу с зеленым змием.

– Да ладно тебе! – он махнул рукой. – Я не девушка, чтобы передо мной расточать комплименты.

– А почему меня не предупредили, что здесь намечается не просто дружеская посиделка, а целый маскарад? – я кивнул на костюм официанта, в который был облачен мой приятель.

– Ну, если только жизнь назвать маскарадом, – Вадим галантно поклонился и распахнул передо мной тяжелые бархатные занавески. – Прошу, молодой человек. Хозяин сего заведения Вадим Руденко лично приглашает вас!

Я не успел в очередной раз удивиться, как он силой втолкнул меня через порог в небольшой зал, где за угловым столиком у окна с шумом приветствовали нас мои дорогие сокурсники.

– Ба! Сам Леха пожаловал!

– Монахов! Ты еще жив! Хотя, судя по твоей роже...

– Какого черта опаздываешь!

Я сразу узнал всех, хотя они-то как раз сильно изменились. Впрочем, при желании узнать можно кого угодно, несмотря на время. Которое всего лишь уточняет, усугубляет, углубляет и корректирует нас.

– Монахов, тебе штрафная и не одна, – Юрка Раскрутин проворно налил полную рюмку и протянул мне. Его, от природы круглолицего, румяного, очень живого и веселого, жестокое время превратило в суетливого, одутловатого, вечно хихикающего по поводу и без, толстяка.

– Садись, Лешка, и не торопись напиваться. Успей рассказать о себе и о своих успехах, которые ты, ей-Богу, заслужил.

Это уже Женька Дроздов. Спокойные светлые глаза, уверенные жесты, волевой подбородок, неправильные черты лица. И правильное мировоззрение. Время довершило его

облик благородными морщинами, глубоким шрамом на лбу и поучающим, моралистическим тоном, не терпящим возражений.

– Леша, позволь мне узнать, ты все такой же интраверт или твои жизненные познания перешагнули через сугубый индивидуализм ощущений?

Это Лада Мальевская. Коротко стриженная, некрасивая, мускулистая, с неизменной сигаретой во рту и умными фразами про запас. Стреляющая острыми глазками во всех парней подряд, правда, из глубокого окопа, чтобы никто не заметил. Впрочем, ни один выстрел не достигал своей цели, во всяком случае, на моей памяти. Ее стрижка стала еще более короткой, щеки – более впалыми, а очки – совсем маленькими. Она еще больше походила на мужчину и оказалась еще более помешанной на различных заумностях и феминизме.

Время не прикоснулось лишь к Вадиму Руденко. Разве что заставило изменить профессию. Причем кардинально. Чем, возможно, и продлило его вечную молодость. Поскольку, на мой взгляд, этот остановившийся взрослеть юноша сейчас ни о чем не жалел. Судя по его открытой улыбке, легким жестам, смеющимся глазам, ему единственному из нас повезло. Он не просто не стал писателем. Он наотрез и по доброй воле отказался им становиться.

Вообще, судя по внешнему виду моих сокурсников, прошедшие после института годы не просто существенно скорректировали их облик и мировоззрение, но с успехом пополнили их кошельки. Передо мной предстали весьма солидные и очень благополучные люди.

Я уселся за столик и обвел взглядом уютный зальчик, в воздухе которого сегодня зависла какая-то неловкость.

– И все-таки нас не так уж много и осталось.

Хохотнул Юрка Раскрутин и вальяжно развалился на стуле, выпятив округлый живот.

– И не так уж мало... Больше половины. Не достает лишь четверых, – заметил Вадим.

– Что же вы их не достали? – поинтересовался я.

– А попробуй достань, – махнул медвежьей лапой Раскрутин и на его толстом мизинце блеснула золотая “печатка”. – Попробуй, достань Анохина из толстенных стен монастыря. Он теперь служит другому искусству – искусству никому не служить, кроме Бога.

Я от неожиданности приподнялся на месте.

– Или Завадскую достань из Канады, куда на розовом коне или лимузине, точно не помню, увез ее некий заморский принц.

– Или нищий? – с явной издевкой добавила Лада.

Я опять присвистнул от удивления.

– Или достань Медузаускаса, – вздохнул Женька Дроздов, глядя почему-то на потолок.

И все неожиданно поднялись. И взяли в руки рюмки. Я, еще ничего не понимая, последовал их примеру.

– Первый тост пусть будет за того, кого с нами нет. И главное – никогда уже не будет.

– Вы о Медузе? – я был ошарашен.

– И где же ты жил все эти десять лет? – укоризненно бросил мне в лицо Женька.

– Дома, Женя, дома. И все же, что с ним случилось?

– Ничего нового, – Женька сжал рюмку. – Ничего, что не вписывалось бы в стандарт сегодняшнего дня. Наркотики и сомнительные связи.

– Да ладно тебе, Дрозд, – перебил его Раскрутин. – Не нам судить мертвых.

– Боюсь, что судить придется и мертвых, и живых. И все же... Не в обиду ему...

Мы молча выпили и тут же принялись за закуску, которая была просто шикарной. Пожалуй, Вадька сочинял кулинарные произведения гораздо лучше прозаических, отчего-то подумал я. Главное – с вдохновением.

– В нашем уравнении осталось еще одно неизвестное. Так называемый мистер Икс. О, нет, прошу прощения – мисс Игрек. – Лада игриво уставилась на меня, держа в руках нанизанный на вилку боровик в лимоно-сметано-ананасовом соусе.

Я равнодушно пожал плечами.

– Кушай, Лада, кушай. Грибы быстро портятся.

– Ах, да! – Юрка стукнул себя кулаком по лбу. – Ну, конечно! Как можно! Про девятого мы забыли! Как ты говоришь, Лада, играю что ли? – Юрка проворно перехватил гриб с ее вилки и мгновенно проглотил.

И тут дверь с шумом распахнулась и наша компания пополнилась еще одним участником. Она влетела в буквальном смысле слова. Такая легкая, почти невесомая и... такая чужая. За ней еле-еле поспевал Вадька, страшно довольный очередным сюрпризом. В шоу бизнесе он, пожалуй, преуспел бы тоже.

– Эх вы, мальчики-девочки, друзья-коллеги, меня не дождались! Как вам не стыдно! – зазвенел в тишине ее голосок.

И она по очереди стала нас целовать. Я был последним в этой очереди. Так и не осмелившись взглянуть на нее. Лишь почувствовал на щеке ее поцелуй. Холодный и незнакомый. Поцелуй вежливости. Такой же как и для всех собравшихся сегодня за одним столом. И, похоже, зря, потому что чужие люди за одним столом собираются лишь случайно.

Ее голос все звенел и звенел. И я ничего не понимал из того, что она говорила. А лишь проклинал себя за то, что явился на эту встречу. Мне тут же страшно захотелось сбежать от всех. В свой дом, к своей жене, к помятым страницам своего романа. Который я так никогда и не допишу.

А ее голос разносился по кафе, эхом проникая во все его уголки. Словно она одна была здесь. Словно только ее голос имел право на существование во всей вселенной... Хотя, возможно, я и ошибался. Возможно, говорили и другие, но я их не слышал. Я слышал только ее голос. И от этого кружилась голова, сердце проваливалось куда-то вниз, а тело слабело...

– Ну, а ты, Леша – Лешенька! Ты-то как жил все эти годики-годочки?

Я встрепенулся, как раненый зверь, и впервые посмотрел ей в лицо. И почему-то сразу же успокоился. Голова стало ясней, а сердце вернулось на место. Я оживал. Всегда страшит неопределенность. И правда, какой бы она ни была, быстро приводит в чувство.

А правда нынче была точь в точь такой же, как и десять лет назад. Оказалось, что время заморозило не одного счастливчика Руденко. Варьку, Вареньку, Варежку (как я ее когда-то называл) также не коснулись ни годики, ни годочки.

Веселые глазки-щелочки, остренький носик, жгучие черные волосы, собранные в нарочито неаккуратный хвост... Она была такой же красавицей. Как и десятилетие назад. Неправдоподобное сочетание иссиние-голубых глаз и темных-претемных волос делало ее лицо совершенным и неповторимым. Она не изменилась за эти годы. И по-прежнему властвовала над всеми своей красотой. Которая всегда авторитетна, даже когда не права.

И все же Варя стала совсем чужой. И я чисто физически ощущал это. Наверное, для нее я тоже был чужим. Что я понял довольно скоро.

– Как жил? – я хмуро вглядывался в ее голубые глаза. Как море, на отвесном берегу которого я изо всех сил старался удержаться. – Как жил? Разве по мне не видно?

– Видно, видно, – она рассмеялась. – Но нормально – это так мало.

– Это много, Варя. Очень много. Боюсь, тебе это трудно понять. Ты всегда находилась за пределами нормы.

– Смотря что понимать под нормой, – Вадик разлил по рюмкам коньяк. – Кстати, о норме. На сколько вы рассчитываете?

– Я лично собираюсь напиться! – радостно провозгласил Раскрутин, звонко похлопывая себя по животу. – В меня много влезет.

Все одобрительно загудели. А Варя умоляюще протянула ручки к Вадиду.

– Вадичка, солнышко, я пью только вино. Надеюсь, ты не откажешь в такой маленькой прихоти бывшей однокашке?

– С каких это пор? – Лада глубоко затянулась сигаретой, с раздражением вглядываясь в ее красивое и свежее личико.

Лада откровенно не любила женщин. Впрочем, сейчас мне трудно было в этом ее упрекнуть. А Варя попросту проигнорировала вопрос, устраиваясь за столом.

– Замечательно! – Вадька поцеловал кончики пальцев. – У меня имеется прекрасный коллекционный запас. Выбор такой, что глаза разбегаются! Если хотите знать, невежи, все эти десять лет я собирал вина, и мой подвал превратился в своеобразный музей. Под закрытым небом. Музей, хранящий в себе пыль веков самых разных стран. И как, скажите, еще, если не по вкусу вина, определить их красоту и своеобразие, прикоснуться к их истории, быту, традициям, узнать о любви и ненависти их граждан?!

– Ты, вижу, времени зря не терял, – попытался съязвить Дроздов.

– Напрасно иронизируешь, друг мой! – Вадька со всей силы хлопнул товарища по плечу. – Поверь, гораздо благороднее коллекционировать вина, чем слова. Во всяком случае – надежнее и безопаснее. Я хотя бы могу быть уверен на все сто, что люди от моей коллекции получают истинное удовольствие. Чего нельзя сказать о всех вас.

– Ну, это как посмотреть, – хохотнул Юрка. – От наших романов, во всяком, случае не наступает похмелья.

– Эх ты, самовлюбленный невежа! Сразу видно, что ты не знаешь настоящего букета настоящего вина! И посему, учитывая вашу исключительную необразованность, приглашаю вас на познавательную и просветительную экскурсию. Заметьте, в свой музей я приглашаю далеко не всех. Но вы – мое прошлое. Пусть не всегда доброе и не всегда достойное. Но от прошлого, как и от семьи, не отказываются. Во всяком случае уйти от него навсегда невозможно. За мной, приверженцы миражей и иносказаний! Может быть, увидев коллекцию и оценив ее, вы осознаете, что ваш труд – эфимерен!

Вообще-то мне гораздо более эфимерной показалась подобная вылазка из-за реального, уставленного яствами стола. Но обижать хлебосольного хозяина не хотелось. Хотя он и не прочел ни одного из наших написанных и пока не написанных романов, это не означало, что мы должны были проигнорировать его музей и не откупорить парочку-другую из его коллекционных запасов. Учитывая, к тому же, что вино являлось далеко не последним действующим лицом нашего творческого процесса. И делом чести было воздать ему должное.

Влад долго и упорно возился с огромной связкой ключей перед мощной стальной дверью. Наверное, он по совместительству с хозяйским положением в кафе совмещал все должности, в том числе и охранника, и метрдотеля, и официанта... Наконец, когда нужный ключ был найден, стальной сим-сим распахнулся пред нами. Повеяло холодом и сыростью.

Медленно, по очереди, мы стали спускаться вниз, по витой узкой лестнице. И мне на миг показалось, что это путь в преисподню. Но, вспомнив, что в ней покоится целая коллекция марочных вин, все стало не таким страшным и безнадежным.

«Преисподня» и впрямь оказалась не пугающей. Напротив, перед нами предстала хорошо обставленная комната, к стенам которой плотно примыкали стеллажи с экспонатами знаменитой коллекции Вадика Руденко. Два мягких кресла и круглый стол из березы намекали на то, что ее обладатель не раз проводил здесь долгие вечера. И не один.

– Ну и как? Где ваши восторженные восклицания?! – самодовольно ухмыльнулся Вадик. Он и впрямь гордился своим музеем. – Вот вам, пожалуйста, бургундские вина.

И он указал на разноцветную коллекцию бутылок, которые прямо через толстое цветное стекло источали очаровывающий аромат.

– Chevalier Montrachet – аромат меда, – он начал знакомить нас с шедеврами. – Чувствуете, словно вы на медовой пасеке? Жаркое лето, а вокруг кружат пчелы... А это Corton. У этого вина сильный характер, настойчивый. Его не так просто побороть... А вот, пожа-

луйста, Civrú, которое поставляли ко двору самого Генриха Четвертого. Король, как это не удивительно, предпочитал недорогие вина.

Вадька все более воодушевлялся. Я редко слышал, как он молчал, но и не помнил, чтобы он говорил так зажигательно.

– Знаете, вина Бургундии не похожи друг на друга, как и люди. У каждого свой темперамент, свой характер, своя сила воли и... своя цена. Да и сами виноградники похожи на людей. Живут около 80 лет. Но уже в пятнадцать достигают зрелости и дают плоды до пятидесяти. До этого с ними, как с детьми, приходится нянчиться. Воспитывать, лечить болезни (а лучше не доводить до них дело), да и спасать от дурных наклонностей.

– Ну, Вадим! – развел толстые руки Юрка Раскрутин. – И впрямь, начальник, тебе бы романы писать... А ты в этом паршивом погребке застрял.

Вадька на мгновение задумался, стоит ли обижаться на сравнение винного музея с погребом, да еще удостоенном эпитета «паршивый». И решил, что не стоит.

– Это и есть мой роман, который я собираюсь писать всю жизнь, – Вадик обвел теплым взглядом свою коллекцию.

– М-да, – я почесал затылок. – Вот как бывает, когда бросаешь пить. Тут же начинаешь коллекционировать неоткрытые бутылки. Я так понимаю, когда бросаешь любить, то надо заниматься коллекционированием женщин?

Вадик громко расхохотался.

– Ну, до этого мне еще далеко. Кстати, я не только вина коллекционирую. А все напитки, так или иначе связанные с историей. Это ли не роман?... Насколько я понял, наша славная Варя-Варежка ныне предпочитает слабые напитки? Похвально. Напитки слабого пола, к каковому она и принадлежит. Кстати, Моцарт был далеко не слабого пола, но тем не менее предпочитал пиво. Вот, пожалуйста.

Вадик с особой нежностью, открыл буфетик из красного дерева и продемонстрировал нам пивную батарею из сортов “Штигль”.

– Знаете, невежи, ваш коллега по искусству, некто Моцарт, этот безалаберный, бесшабашный и чуть-чуть сумасшедший гений, сидя в зальцбургском пивняке, брал в руку огромную запотевшую кружку этого пива, сладострастно сдувал с нее мыльную пену и задорно орал на весь бар: “Прост!” И пил за здоровье молодой жены... Сегодня тысячи австрийцев бесстыже следуют его примеру, чокаясь под сумасшедшую музыку Моцарта. И такой же шанс я даю и вам. Правда, вначале хочу уточнить: есть ли у вас молодые жены?

В ответ мы тактично промолчали. Впрочем, и запотевших кружек здесь не было в наличии. Вадик нас понял и, нарушив установившуюся паузу, тут же потянул за собой, к другому стенду.

– А это вам более близкое Бордо YAUT – BRION. Франция, девушки... Легкая страна, может быть, не очень умная, но никогда от этого не страдающая. И несмотря на это, вино довольно прямолинейное. Ему уже – двадцать. Еще молодой, даже юный возраст. Но одновременно в нем и опыт, и зрелость – само совершенство! Но это, видимо, не про вас. Поскольку вы еще занимаетесь таким детством, как сочинительство. Не проще ли в таком случае напиться обычной водкой?

Вадик откровенно издевался над нами. Хотя, пожалуй, и над собой. И я вдруг подумал, что этой бравадой о винах, он скрывал какую-то необъяснимую боль. Или – тоску. Словно по воле судьбы (или по собственной прихоти) он оказался по другую от нас сторону жизненной границы.

Мне вдруг захотелось поддержать его: «Ты тысячу раз прав, Вадим. Ты перешел на правильную сторону, где гораздо интереснее и менее мучительно. И, возможно, гораздо честнее...» Но так ничего и не сказал. Впрочем, Вадим в моих утешениях и не нуждался. Возбуж-

денный, покрасневшийся, этот вечный мальчишка вдруг чуть ли не подпрыгнул на месте и вскрикнул:

– Закуска! О Боже! Вот это оплошность! Мои нежные цыплята, я не дам вам сгореть синим пламенем! Милые мои друзья, выбирайте по вкусу и желанию, ничего не стеснясь и не жалея. Лучшее вино – выпитое вино. Это мой девиз, поскольку я уже давно не пью. Потому с удовольствием угощаю. О нет, нет, не стоит благодарности. Я не настолько уж и благороден. Есть бутылки, которые я ни в жизнь не откупорю. Например, те, что любили еще Кутузов и Наполеон... Зато, представьте, как повлияло это вино на нашу победу... Но об этом потом, так сказать – под закусочку.

И Вадька, сорвавшись с места, с легкостью одолел ветлявую лестницу и оставил нас наедине с его драгоценной коллекцией. В том, что она была весьма дорога, мы уже не сомневались.

Едва за ним захлопнулась дверь, компания дружно переглянулась. И все облегченно вздохнули. Пожалуй, Вадька перегрузил нас пламенной информацией.

– Ну, если это преисподня, – оживился Юрка, – я навсегда согласен стать покойничком.

– Покойник, мой дорогой, – трезво заметил Дроздов, – это всегда – навсегда.

– Учитывая, что могила-то братская, остаться здесь навсегда не так уж и печально, – Лада Мальевская оглядела всех, сверкая круглыми эстетскими очками.

– Особенно, если в братской могиле рядом с тобой очень даже симпатичные парни, – засмеялась Варя.

– И тем более, когда рядом с этими симпатичными парнями не менее симпатичные и более доступные... – сделав паузу, я благоговейно выдохнул под общий смех, – бутылки вина...

Я вертел в своих руках бутылку пива Моцарта, которым тот баловался не раз. Или с ним баловалась история, полная множества подобных небылиц. Мои товарищи тоже разошлись по погребу, в тишине рассматривая коллекцию. Каждый остался доволен своими репликами и словесными изысками. Вечер начинался традиционно, как и раньше... Хотя нам и впрямь стало казаться, что эти изящные произведения винодельческого искусства гораздо привлекательнее (и притягательнее) всех написанных и ненаписанных строчек. И мы потирали руки от предстоящего удовольствия, предвкушая хмельной роман с участием многочисленных персонажей из разных стран.

– Ну что ж, – Юрка поднял прохладную бутылочку «моцартовского» пива. – Выпьем за удовольствие жизни, если хотите – за довольную жизнь, если желаете – за жизненные удовольствия!

Мы чокнулись «Моцартом» и кто-то даже пожалел, что здесь не звучит его музыка.

– Ну, что ощущаете? – принял на себя роль хозяина Раскрутин, довольно утирая губы рукавом дорогого пиджака.

– Довольство, – съязвила Лада. Ее глазки заблестели и тут же забежали по всем сразу.

– Ну, и в чем же оно? – не понял ее иронии Женька.

– Думаю, только в том, что мы достигли всего, чего хотели в этой нелегкой, хотя, может, и не настолько тягостной, жизни, – мрачно, почему-то злясь на самого себя, ответил я вместо нее. – Черт, как быстро заканчивается Моцарт. Недаром он так рано умер.

– И чего же достиг ты, дружище? – Юрка внимательно изучал меня, успев осушить уже вторую бутылочку.

Я равнодушно пожал плечами.

– Самого главного – гармонии.

– Вообще-то гармонии достигают лишь в случае смерти, – тихо сказала Варя, так же внимательно глядя на меня.

– Варешка, – Юрка театрально бросился к ней и заключил в свои медвежьи объятия. – Значит ты все же не добьешь нас своим новым имиджем крутой великосветской дамы? Значит, ты все же – вне гармонии!

– Впрочем, как всегда, – Лада зло дыхла сигаретным дымом на Варю.

– Варька, ну, неужели ты недовольна этой прекрасной и дурацкой жизнью? – не унимался Раскрутин.

Варя наконец-то вырвалась из его объятий, рассмеялась и, отставив пустую бутылку, забросила руки за голову. И встряхнула свои черные волосы. И закатила свои голубые-преголубые глаза. Что когда-то принадлежало лишь мне одному.

– Я более, чем довольна. И мой истинный единомышленник на сегодняшний день – Вадька Руденко. Он бросил пить, бросил писать и начал жить. Я не окончательно бросила пить, не окончательно бросила писать. Но это вторично. Главное – я выбрала жизнь. Которой вполне довольна.

– Сколько чувств! По-моему, ты, Варвара, слегка перебрала, – хмуро заметил Дроздов. – Звучит как-то неубедительно. Особенно о главном.

– А что главное для тебя, праведник Дроздов? – Лада бросила перчатку Женьке. И он ее успешно словил.

– А то, что удовлетворение жизнью – полная чепуха. Сплошь неверное слова. Предательские. Или, если хотите, трусливые... Это, попросту, бегство. Я же никуда не бегу. Я принимаю все. И все удары отбиваю. А, если не могу, то снова и снова накапливаю силы. В этом мое... – Женька запнулся, с трудом подбирая нужное слово. – В этом мое... Ну, если не счастье, то хотя бы... Согласие, что ли.

Определение было явно неудачным. И Юрка, уже слегка хмельной и вполне довольный Моцартом и жизнью, не преминул подколоть товарища.

– Сложно и не очень понятно, – тут же заметил он. – Вот для меня все ясно. Жизнь я обожаю. Для меня это всего лишь миг. А какой-то маленький миг легко осчастливить. Вот и получается такое длинное счастье, составленное из счастливых лоскутков-мгновений. Сегодня, например, это – сумасбродный Моцарт из далекого прошлого, вы – из недалекого и я – всегда сегодняшний. И больше мне ничего не надо. Впрочем, плюс любимая работа, любимая жена и любимый комфорт!

Лада громко фыркнула, забросила ногу за ногу и поправила очки на переносице.

– Комфорт! Какое обывательское слово, – безапелляционно заявила она. – Жизнь не подчиняется комфорту. Это комфорт подчиняется ей. Безусловно, каждому своя упряжка. Я же – вне жизни и вне комфорта, а далее – караван подобных определений – вне иллюзий, вне страха, вне заблуждений, вне привязанностей, и вне – вне – вне... В общем, говоря проще, вне суеты. И в этом мое счастье. Я могу прикасаться ко многим вещам, но они меня так и не будут касаться.

Мы промолчали. Похоже, Ладу никто особо так и не понял. Впрочем, здесь, похоже, никто не понимал друг друга. Лишь я подумал, глядя на постаревшие, уставшие, потрепанные и озабоченные лица своих бывших однокурсников, изображающие счастье, что счастливым никто из них не был.

Пауза продолжалась, потихоньку нагнетая атмосферу встречи. В такие моменты впору вешаться. Но делать это в одиночку я не собирался. В конце концов, у каждого есть оправдание и каждый хотел быть счастливым. И каждый вряд ли им стал.

И все же, несмотря ни на что, вино, смешанное к тому же с пивом, согревало нам души. И мы, прихватив с собой по паре бутылок, уже стали собираться наверх, к свету. Казалось, что там нас оставят дурацкие мысли и тягостные размышления о жизни. Нам захотелось свежего воздуха. И мы потянулись к витой лестнице...

Откуда раздался этот оглушительный грохот, никто так и не понял. Похоже, что прямо с неба. Погас свет, стены задрожали и посыпалась штукатурка. Меня отшвырнуло в сторону, и, падая, я автоматически закрыл руками лицо... Не знаю, сколько продолжался этот кошмар, казалось – целую вечность. Когда я осторожно открыл глаза, то ничего кроме темноты не увидел. Лишь услышал оглушительную тишину, которая была страшнее любого грохота. Кто-то впился мне ногтями в руку. Я повернул голову и увидел сверкающие глаза Вари. Ее глаза я узнаю в любой темноте. И ее горячее дыхание. Она дрожала и жадно ловила ртом воздух.

– Что это, Боже, Лешка, что это?.. Я ничего... Ничего не понимаю... Что это, Лешка?..

Я не знал, что ответить, потому что сам абсолютно ничего не понимал. Землетрясение? Война? Террористический акт? Крушение мира?.. Единственным, что я начинал осознавать, было то, что мы отрезаны от этого самого мира. И находимся под его обломками.

Потихоньку я привыкал к темноте и уже различал фигуру Дроздова. Он стоял посреди завалов, пыльный и взъерошенный, тупо уставившись на заваленную лестницу.

– М-да, – первым подал голос Раскрутин. И его междометие неестественно зазвенело во взорванной тишине. – Вроде бы цел... Хотя все тело ужасно болит.

– Боже, что это? Что! Что! – как заученный текст твердила сквозь рыдания Варя, по-прежнему не отпуская моей руки.

– Прекрати истерику! – откуда-то издалека раздался визг Лады. – Нам еще паники не хватало!

Ну, если с Ладой все в норме – значит еще поборемся. Она на коленях, шатаясь, приблизилась к нам, тщательно ошупывая пол.

– Я вот очки разбила, ни черта не вижу, и то не рыдаю! – пробормотала она. И попросила. – Кто-нибудь поможет мне найти очки.

Юрка неожиданно, почти истерично, расхохотался.

– Очки! Боже, какая прелесть! Очки! И главное – как бы они сейчасгодились! И вот ведь – какая трагедия!

– Ладно вам, – грубо прервал его Дроздов. – Нашли время пикироваться. Лучше давайте трезво проанализируем ситуацию: что бы это могло быть?

– Что бы ни было, мы во всяком случае живы, – заметил я, даже в такой ситуации гордясь своей мудростью.

– Или все-таки нет? – попытался шутить Юрка. Значит, и он приходил в себя. – Или сейчас за нами явятся ангелы в белых одеяниях?

– Что ты такого хорошего сделал, чтобы за тобой тут же прилетели ангелы? – похлопал его по плечу Женька. – Скорее уж – черти.

– В таком случае, предложим им «Моцарта». Черти тоже любят выпить, – поддержал я его.

Обстановка потихоньку разряжалась. И, оправившись от первого шока, мы по-настоящему обрадовались за свои чудом уцелевшие жизни. Мысли стали приходить в порядок. Во всяком случае, уже можно было более или менее трезво оценить обстановку. Мы не могли знать в точности, что произошло наверху. Одно было ясно – от ресторанчика вряд ли что-либо осталось. А наша компания оказалась замурованной глубоко под землей. Но это еще не было братской могилой. И важным (жизненно важным) вопросом повестки нашей встречи становился один – как отсюда выбраться?

Сильно угнетало полное отсутствие света. К кромешной темноте трудно сразу же привыкнуть. Поэтому по началу мы стали внимательно оглядывать «окрестности». Наше бомбоубежище выдержало неведомый взрыв, оставшись прочным и непоколебимым. Мы обнаружили, что даже уцелела большая часть коллекции Вадима. Хотя от многих бутылок на полу остались одни осколки и лужицы некогда дорогих ароматов. Бедный Вадька! Драго-

ценная частица его жизни в миг оказалась разбитой... Стоп, внезапно подумал я. А сама... Сама Вадькина жизнь?..

– А Вадик? – вдруг озвучила мои мысли Варя.

Эта тайная, почти телепатическая связь существовала между мной и Варей с давних пор. Не успевал я подумать о чем-либо, как она тут же говорила об этом. Несмотря на количество окружающих нас людей.

– Вадька, Вадик, – плакала Варя. – Как мы сразу о нем не подумали! Что, что с Ваденькой, ребята?!

– Что с Ваденькой! – грубо передразнила ее Лада. – Какие телячьи нежности. Сама знаешь, что ничего хорошего. Не прикидывайся дурочкой.

– Даже если ничего хорошего, – я не на шутку разозлился на Ладу, – это не означает, что мы не должны переживать за него. И потом... Знаешь, Варя, вполне возможно, что и – ничего плохого. Он не раз выбегал на улицу, помнишь, все ждал машину с заказом. Вполне возможно, что в момент взрыва его не было в ресторане... Сама знаешь – Вадька родился в рубашке, если вообще – не в пиджаке.

При упоминании о пиджаке Лада тут же ощупала свой. И облегченно вздохнула. С сигаретами ничего не случилось. В отличие от ее очков. Думаю, если бы ей предложили прокатиться на необитаемый остров и взять с собой всего две вещи из всего возможного, она, не задумываясь, выбрала бы свои очки и сигареты. Правда, сигарет должно было бы очень много.

Лада достала пачку и с наслаждением затянулась едким дымом.

– Сладкая ложь лучше суровой правды – вот девиз нашей Вареньки, всю жизнь играющей в наивную девочку, – ехидно заметила она. – Впрочем, обязательно находится мужчина, готовый ее с радостью опекать и преподносить любую сладкую ложь на кружевной салфеточке.

Мне не хотелось спорить с Ладой. Как и все мы, она сейчас балансирует на грани нервного срыва. Хотя в то же время не прочь и поиграть. Например, в железную леди. Хотя, как правило, в таких ситуациях первым гнется именно железо.

Мы были замурованы в четырех кирпичных, мрачных, давящих темнотой со всех сторон, стенах. Причем на уровне нескольких десятков метров под землей. Если Вадим жив, он знает, где мы. А если... Черт, сейчас реальнее предполагать именно это «если». И Лада здесь права.

Женька барабанил костяшками пальцев по глухой стене.

– Для нас, пожалуй, есть только два выхода. Либо самим его искать. Либо положиться на помощь сверху и просто ждать.

– Меня лично устраивает второй, – опять хохотнул Юрка. – Отпустим бороды. Через месяц, судя по алкогольным запасам, станем законченными алкашами. Что не самый плохой выход в нашем положении. Да и девочки у нас есть. Так что скучать не придется. Даже смерть не покажется такой уж тягостной и мучительной. А, я бы сказал, даже прекрасной! Не каждому так пофартит закончить жизнь! Дорогое вино и замечательные девчонки! И предстанем мы перед Всевышним с чистой совестью, правда слегка пьяненькие...

Лада подскочила к Юрке и со всей силы стукнула его кулаком по башке.

– Нашел девочек!

– Ну, девочки – не девочки, а выбор, как говорится, не большой. В сухом остатке – выдержанное вино и менее выдержанные дамы.

– Ну ты и... – Лада готова была убить Раскрутина на месте. Она единственная так прореагировала на его шуточки, которые почему-то задели ее за живое. Хотя, наверняка, должны были прийтись по вкусу именно ей.

– Все ясно, – как всегда, не собиравшись шутить Дроздов, повторив свою тавтологическую мысль. – Значит остается один выход – этот выход искать самим.

– Ага, – не унимался веселиться Раскрутин, – как кроты. Будем разгребать лапками завалы, в перерывах лакая вино.

– Ну и что ты предлагаешь, умник, – положительного и серьезного Дроздова уже начал порядком бесить отрицательный и несерьезный Раскрутин.

Юрка ничего не ответил.

– Предлагаю, – предложил я. – Судя по всему, уже ночь. Мы порядком устали и порядком напуганы. Нервишки уже сильно пошаливают. Так что предлагаю выпасться, а утром принять достойное нас решение. Вполне вероятно, что к утру нас уже откопают. Спасатели работают оперативно – им не впервой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.